

хае яна, эстэтычная пазіцыя аўтара выключаюць і першае і другое. Ды і словы «заходняга тыпу» пра ролю лепшых у поступу чалавецтва наперад сказаны не дарэмна. Значыць — апошняе.

Смерць дасюль у творах К. Чорнага была часцей за ўсё няслаўнай. Перакрэсліваючы жыццё героя, яна тым самым развенчвала і перакрэслівала яго памылковыя і варожыя жыццё ідэі, носьбітамі якіх ён быў. Так загінулі стары Нявада, Люцыян Акаловіч («Пошукі будучыні»), таўсматы палкоўнік («Млечны шлях») ... Да непазбежнай гібелі ішлі Блецкі, Клебер («Вялікі дзень»). І наадварот, героі, якія ўступалі на шлях барацьбы за высокія ідэалы, заставаліся жыць, хоць і хадзілі за крок ад смерці. І ўсё-такі іншае было наканавана Кастусю Прыбыткоўскаму, бо вайна раскрывала перад К. Чорным свае новыя грані — важнейшыя ў вызваленчай вайне. Бо гэта было неабходна праўдзе, жыццю і К. Чорнаму, каб мужа сустрэць недалёкую ўласную смерць. Бо ён хацеў, каб вялікая любоў да людзей кіравала чалавекам ва ўсім.

«Скіп'ёўскі лес» — героіка-трагічная аповесць, дзе подзвіг, таму што ён падказаны любоўю, абавязкам перад другімі, перамагае трагізм смерці. Тут К. Чорнага цікавіць не толькі «дыялектыка душы» свайго героя. Ён раскрывае і сувязь яго пачуццяў з дзеяннямі, устанаўлівае грамадскую вартасць яго дзеянняў і такім чынам п'е хвалу свайму герою як актыўнай народнай натуры, якая прымае, бласлаўляе справядлівую барацьбу. «І пачуццё, — піша К. Чорны пра адчуванні Прыбыткоўскага ў баі, — блізкае да шчаслівага задавальнення, нарадзілася і пачало вырастаць у душы». Эмацыянальна, па-талстоўску перададзена прэзізіам і тая хвіліна, калі гасне свядомасць у героя, калі боль у яго пачынае «шпарка ператварацца ў адчуванне вялікага цяжару». Яго бяспамятства суправаджае маўклівая цішыня ў прыродзе. «Над змятым, па-корпаным разрывамі і закурадымленым полем ужо вісела поўная цішыня», і ўсё, што адбываецца наўкол пасля, адбываецца, нібыта пад вадой — марудна, без гукаў, як на запаволеных кіназдымках. Потым на душу Прыбыткоўскага пала «трывожная турбота», пачало адчувацца вяртанне болю, холаду, навакольнага, з'явіліся думкі аб родным Скіп'ёўскім Пераброддзі, прага ўбачыць маці...

У аповесці «Скіп'ёўскі лес» майстэрства Чорнага ўзбагацілася новымі рысамі. Больш дынамічным, сціслым стала апавяданне. Разнастайнейшымі сталі прыёмы, якія ўжывае прэзізік, разгортваючы дзею. Вырасла вага аўтарскага слова, якое часта набывае характар шырокага абагульнення і пашырае рамкі таго, пра што расказваецца. Вялікае значэнне набываюць пісьмы герояў, іх расказы, што даюць магчымасць лёгка пераносіць дзею з аднаго месца ў другое. Уведзены своеасаблівы каментатар — дасціпны чалавек-рагатун, чые словы надаюць адметны каларыт падзеям. Часцейшымі сталі псіхалагічныя адкрыцці, яшчэ глыбейшым псіхалагічны аналіз. Нават сам бясконца патрабавальны да сябе і другіх К. Чорны наконт намаляваных ім батальных сцэн запісаў 9 ліпеня 1944 года ў дзёніку: «Чытаў М. Лявонава ў «Правде» «Взяцце Великошумска», і паняверка мая, што «Скіп'ёўскі лес» пішацца вельмі дрэнна, зменшылася».

Кузьма Чорны робіць акцэнт на гераічным, яно становіцца цэнтрам увагі пісьменніка.

Л. Н. МУЩИНИНА

## ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ПОЭЗИИ ГИППОНАКТА

Отсутствие документальных сведений о жизни и творчестве древних авторов часто побуждает исследователей устанавливать некую историческую связь между жизнью древнего поэта или драматурга и произведениями, в которых повествование ведется от первого лица. Такого рода утверждениям не следует доверять. Их несостоятельность для би-

ографий авторов V века до н. э. (Еврипид, Аристофан, Пиндар) доказана М. Лефковиц<sup>1</sup>. Несостоятельность названной точки зрения для авторов периода архаики убедительно обоснована в другой работе М. Лефковиц, посвященной новонайденному папирусному фрагменту Архилоха, ямбографа VII века до н. э.<sup>2</sup>

Исследователи творчества Гиппонакта, хольямбографа, жившего в VI веке до н. э., обычно отождествляют автора с героем его поэзии. Это привело к тому, что содержание творчества поэта стали понимать как адекватное отражение его биографии. Так понимал Гиппонакта в XIX веке немецкий филолог Г. Герхард, который впервые назвал его «proletarische Dichter», «бедняком, недовольным и злым»<sup>3</sup>. Позднее этот же взгляд отразился в диссертации В. Гебхарда, посвященной фармакам: «...поэт Гиппонакт, с его ограниченным кругозором и пристрастием к грубым народным суевериям»<sup>4</sup>. С другой стороны, О. Крузиус считал стихи Гиппонакта своего рода «фантастической поэзией», полной популярных поучений<sup>5</sup>. Это вполне согласуется с поучением тому, кто небрежно относится к своему наслeдству (Гипп., фр. 26)<sup>6</sup>, с фр. 67: «Безумны выпившие несмешанное вино». Однако вряд ли можно считать Гиппонакта демократическим поэтом-моралистом. Вопрос о его мировоззрении, о характере отражения современной ему действительности весьма сложен<sup>7</sup>.

Различные взгляды на поэзию Гиппонакта объединяет мнение о том, что «Я» ранней греческой лирики является авторским. Однако авторское «Я» Гиппонакта не всегда совпадает с личностью самого поэта. «Сам поэт еще не стал лирическим поэтом в современном смысле, он только продолжает песенную мусическую традицию»<sup>8</sup>. Ранняя поэзия, к которой принадлежит Гиппонакт, выражает интересы определенного коллектива. Она еще сохраняет черты обряда, его атрибуты и маски. При этом героем лирической поэзии часто выступает не сам поэт, а персонажи, которые являются субъектами и объектами обрядового действия или праздника.

Фрагментарность поэзии Гиппонакта не позволяет в полной мере раскрыть этот очевидный тезис. Однако фрагменты, которые принято считать автобиографичными, показывают, что их герой — не Гиппонакт. В некоторых из них речь идет о нищенстве и попрошайничестве героя. Он обращается к Гермесу с просьбой дать теплую одежду и обувь: «Гермес, милый Гермес, сын Майи и Зевса, Киллсенец, /я умоляю тебя, ибо я очень замерз /и стучу зубами.../ Дай Гиппонакту теплый плащ и туничку, /сандалики, башмачки и денег 60 /статеров... (фр.32). В другом фрагменте, который, возможно связан с предыдущим единством замысла, герой сообщает о том, что кто-то неизвестный (возможно бы) не дал ему вещей, которые он, вероятно, просил: «Ты же не дал мне ни шерстяного /плаща, средства от холода зимой, /не накрыл ноги шерстяными башмаками, /чтобы у меня не лопнули волдыри, полученные от мороза» (фр. 34). Герой упрекает слепого бога богатства Плутоса за то, что тот не пришел в дом к Гиппонакту и не сказал: «Гиппонакт, я даю тебе 30 мин серебра и еще многое другое» (фр. 36. 2—4). Герой обращается с упреками к Зевсу за то, что тот не дал ему золота: «Что же ты не дал мне золота, владыка серебра?» (фр. 32). Наконец, герой грозит: «Я отдам порокам многостонущую душу, /если ты как можно скорее не пришлешь мне /медими ячменя, чтобы я смог сделать из ячменной муки и воды смесь /и пить ее как лекарство от злобы» (фр. 39).

Попрошайничество Гиппонакта, говорящего здесь от первого лица или называющего свое имя, расценивалось многими учеными как свидетельство в пользу того, что сам поэт Гиппонакт в действительности испытывал нужду и, разгневанный из-за своего бедственного положения, сочинял такие стихи<sup>9</sup>. Но мы полагаем, что на основную тему этих фрагментов — мотив попрошайничества — оказала влияние фольклорная традиция. У греков во время весенних праздников был обы-

чай, который заключался в том, что люди собирались группами и ходили из дома в дом просить подаяние «вороне». С собой они носили чучело птицы. Подобный обычай распространен в фольклоре других народов, например, славян, у которых он приурочивается к зимнему циклу аграрных праздников (колядки, щедривки). Грамматик III века Афиней по поводу этого обряда греков сообщает, что коронистами назывались те, кто собирал подаяние вороне... исполняемые ими песни называются коронисмы (от греческого слова «κορονῆ» — «ворона» (VII. 360 в). В качестве примера такой коронисмы Афиней приводит «Песню вороны» Феникса Колофонского, поэта холиямбографа, жившего в III веке до н. э. (V. 359 е). Мы приведем несколько отрывков из этого стихотворения. Ст. 1—6: «Дорогие, подайте вороне, Аполлонову ребенку, / горсть ячменя или блюдо пшеницы, / или хлеба, или пол-обла, или кто чего хочет. / Дайте, люди добрые, из того, чем вы богаты, / вороне. Она возьмет и крупинку соли, / ибо она очень любит ею угощаться». Исполняющий песню добавляет в конце от первого лица (ст.15—17, 18—20): «Я же, куда бы меня ни понесли ноги, воздаю Музам, исполняя песни у дверей / и желаю много богатства и дающему, и тому, кто не дает. / Дай, хозяин, подай и ты, молодая хозяйка. / Когда ворона просит, есть обычай ей дать горсть».

Афиней сообщает также о древнем фольклорном обычае жителей э. Родос собирать падающие, который назывался «chelidonizein» — «петь песню ласточки» (VIII. 360 в). Афиней приводит пример такой «песни ласточки»: «Прилетела, прилетела ласточка, / принеся красивое время года, красивый год; / со стороны спины она черная, а на животе белая. / Ты неси сушеные фиги из богатого дома, / чашу вина и головку сыра. / Ласточка не откажется и от пирога из бобов и пшеницы. / Нам уйти или взять самим? / Дашь ли ты что-либо? Если нет, то мы не уступим и унесем или дверь, или преддверие...» Если сравнить данные приведенной фольклорной традиции и фрагмент Феникса, подражавшего этой традиции, с цитируемыми выше фрагментами Гиппонакта, то можно сделать вывод о влиянии на него фольклорного мотива попрошайничества. Другая группа фрагментов, в которых герой выступает от первого лица или назван Гиппонактом, содержит мотив избиения. Например, в одном случае Гиппонакта забрасывают камнями: «Он приказал схватить и побить камнями Гиппонакта» (фр. 37). Гиппонакт, в свою очередь, грозит выбить глаз своему противнику Бупалу. Эта угроза содержится во фр. 120—121: «Возьмите мой плащ, я выбью глаз Бупалу. / Ведь я ловок на обе руки и бью без промаха». Во фр. 20 кого-то бьют палкой: «Полагая, что он того побил палкой».

Субъектом и объектом упомянутых фрагментов может быть Гиппонакт, но представший в маске некоего типического персонажа. Так, в аналогичной ситуации оказывается Одиссей, когда он вступает в ссору с нищим Иром. В этом конфликте участвует не эпический герой Одиссей, а Одиссей, оказавшийся в негероической ситуации, принявший облик нищего старца и с успехом сыгравший эту роль. Пониманию того, чью маску может носить герой рассмотренных выше и других фрагментов Гиппонакта, способствуют фр. 6—10, связанные с ритуалом изгнания фармака, который имел место в Ионии на первом весеннем празднике урожая, на Таргелиях (май — июнь месяцы). Эти фрагменты цитируются только в «Хилиадах» Иоанна Цеца (V. 726—736) для объяснения греческого слова «жертва». Стихи Гиппонакта, цитируемые Цецом, возможно, взяты из разных произведений поэта. Связного изложения обряда фармаков они не дают, однако сам Цец описал этот ритуал довольно подробно: «В старину было следующее очистительное средство: / если город подвергся несчастью из-за гнева богов — / то ли голоду, то ли чуме, то ли какому-то другому бедствию, / то приводили того, кто был безобразнее всех, как бы для жертвоприношения / с целью очищения и излечения данного болеющего города. / Жертву (фармака) ставили в соответствующее место, дав в руку сыр,

ячменный хлеб и фиги / и, ударив его в пах семь раз морским луком, / дикими фигами и прочими дикорастущими растениями, / в конце-концов они сжигали фармака на костре, а золу разведали по морю / для очищения города, как я сказал, болеющего. / Лучше всего говорит об этом обычае Гиппонакт...» Далее приводится пять цитат из Гиппонакта. Обряд жертвоприношения фармака, вероятно, был известен Цецу не только по произведениям Гиппонакта, но и по другим источникам. Он связывает эту церемонию с экстремальными случаями в жизни людей: голодом, эпидемией и другими бедствиями. Церемония фармака описывается также у Каллимаха (Aet. fr. 90 Pf.): «В городе / Абдере раб, купленный на рынке, / использовался для очищения города. / Его ставили на грудь серого камня, сытно кормили и поили. / Сытый до отвала, / он затем выводился к воротам... / Затем его вели вокруг городских стен, / очищая им город, / а потом басилевс и другие кидали в него камнями, / пока он не скрывался за пределами города».

Используя фрагменты Гиппонакта, свидетельства Цеца, Каллимаха и данные других источников, попытаемся представить себе такого фармака, а также восстановить и объяснить некоторые подробности церемонии его изгнания. По свидетельству Цеца, фармак был «очень безобразен» (Хил. V. 729). Страбон отмечает, что фармаками могли быть приговоренные к смертной казни преступники (X. 452). Перед началом церемонии фармака, по-видимому, морили голодом: «Пусть он сделается от голода высохшим» (фр. 10.1). Затем его обводили вокруг городской стены, чтобы он принял на себя все грехи, болезни и беды граждан города. Процесс обведения вокруг стены, символизирующий очищение города от грехов и отвращение зла, упоминается у Каллимаха (Aet. fr. 90 Pf.). Как сообщает историк Гелладий, «по обычаю в Афинах выводили двух фармаков: один — жертва за мужчин, а другой — за женщин. У обоих на шее висели связки сухих фиг. У того, кто приносился в жертву за мужчин — черные, за женщин — белые». Затем фармакам в изобилии давали ритуальную пищу: «сушеные фиги, лепешку из ячменя и сыр» (фр. 8.1—2). После обведения фармака вокруг городской стены процессия направлялась за пределы города, «в определенное место», как сообщает Цец (Хил. 731). Здесь фармака подвергали определенным ритуальным действиям: его били в пах ветвями смоковницы и морским луком ритуальное число раз: «фармак... был 7 раз побит...» (фр. 10.2). О действиях, происходящих в этом заранее отведенном месте, сообщается во фр. 6: «Забрасывая и ударяя ветвями фиги и морским луком, как фармака». Растения, которыми били фармака, обладали апотропическими свойствами. Их применяли в обрядах в качестве очистительных средств. То, что фармака били в пах, должно было означать не только изгнание нечистых сил, но и стимулирование производительных сил природы и человека, способствовать обновлению и новому урожаю. Церемония избивания фармака происходила под аккомпанемент флейты, а песня носила название «ном смоковничной ветви» (фр. 153). Гезихий объясняет это выражение следующим образом: «Когда выгоняют фармаков, избивая их смоковничными ветвями и листьями, под флейту исполняют какой-то ном». Конец церемонии неясен: одни сообщают, что фармаков до смерти забивали камнями (Istr. fr. 33), а другие — что их не убивали, а лишь выгоняли за пределы города (Call. fr. 90 Pf., Lys. VI. 53). Во всяком случае, ни у Гиппонакта, ни у других авторов нет описания той расправы над фармаками, о которой говорит Цец (Хил. 729—753).

Таким образом, фармак воплощал в себе два начала: он был жертвой, приносимой для очищения, и на него переносили скверну, болезни и бедствия города. Оба эти значения («козел отпущения» и ругательно-презрительное «скверна») представлены в литературной традиции: у Лисия (VI. 53), у историка Истра (фр. 33), а также у Каллимаха (Aet. fr. 90). Геродиан, греческий грамматик II века н. э., объясняет слово «pharmakos» однозначно: «фармак — по отношению к жертве, приносимой для

очищения города» (I. P. 150). «Pharmakos» означало характер человека: «скверна», «мерзость», т. е. употреблялось в бранном смысле, что может свидетельствовать в пользу того, что древние относились к фармакам с презрением. Последнее значение широко представлено в комедиях Аристофана (Ran. 729—733, Eq. 1402—1405, fr. 634 Edm.). Употребление этого слова со значением, близким к ругательству, встречается у Демосфена (Orat. 25. 80): «Теперь он лишит его жизни, он, фармак, зараза...» Бранный смысл появился в этом слове из-за олицетворения фармаком скверны города.

Кроме фр. 6—10, у Гиппонакта слово «pharmakos» встречается еще в двух папирусных фрагментах: фр. 92 и фр. 104, 47—49. Рассмотрим эти фрагменты. Фр. 92 связного рассказа не содержит, так как текст неполон и плохо сохранился: из 18 строк читаются только 14, причем правый край папирусного фрагмента испорчен. Общее содержание фрагмента ясно: речь идет о возвращении некоему персонажу его утраченной мужественности. Какая-то женщина бьет его смоковничными ветвями, точно так же, как поступали с фармаками. Этот фрагмент близок к гл. 138 «Сатирикона» Петрония, где изображена аналогичная ситуация<sup>10</sup>. Герой от первого лица говорит: «...она отхлестала ветками смоковницы как будто по фармаку» (фр. 92.4). Содержание другого фрагмента восстановить невозможно, хотя по объему он самый большой из сохранившихся: включает 52 стиха, причем только ст. 47—49 восстановлены полностью благодаря Афиней (370А), который их цитирует, рассуждая по поводу того, что капуста считалась у древних священным растением: «Он, изворачиваясь, молит Семилестную Капусту, которой Пандора посвящает на Таргелии пресный пирог вместо фармака». Древние считали капусту священным растением, наделенным магической силой. Известен обычай клясться капустой (Anap. fr. 3 West). В приведенном фрагменте Гиппонакта приносят в жертву вместо фармака пирог, который, видимо, понимается как небольшая бескровная жертва в праздник Таргелий от одного частного лица<sup>11</sup>.

Тема ритуала фармака встречается не только в тех фрагментах, где прямо названо его имя. Взглянув на фрагменты 20, 32, 34, 37, 38, 39, 120, 121 сквозь призму ритуала фармака на Таргелиях, мы можем более ясно представить их героя фармаком, которого бьют и забрасывают камнями (фр. 20, 37, 120, 121). Становится понятным также объяснение Гезихия к фр. 152, состоящему из одного слова «крадиснт» — «фармак, заброшенный смоковничными ветвями». Возможно, что нищий герой у Гиппонакта (фр. 32, 34, 38, 39) — это тот же фармак, иссушенный голодом.

Отсюда можно сделать вывод о недопустимости извлечения сведений о жизни Гиппонакта из его поэзии, поскольку воспроизведение им действительности обусловлено особенностью раннего поэтического творчества, связанного с фольклором и обрядами.

<sup>1</sup> См.: Lefkowitz M. R. The Poet as Hero: Fifth Century Autobiography and Subsequent Biographical Fiction.— The Classical Quarterly, 1978, 28.2, p. 459—469.

<sup>2</sup> См.: Eadem. Fictions in Literary Biography: the New Poem and the Archilochus Legend.— Arethusa, 1976, 9.2, p. 181—189.

<sup>3</sup> Gerchard G. A. Hipponax: Pauly-Wissowa Realencyclopädie für Altertumswissenschaft. Stuttgart 1913, v. 8, 2Hbd., col. 1899—1900.

<sup>4</sup> Gebhard V. Die Pharmakoi in Ionien und die Sybakchoi in Athen. Diss.—Amberg, 1962, S. 5.

<sup>5</sup> Crusius O. Zur Charakteristik der antiken Iambographen.— Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften. München, 1906, S. 379—380.

<sup>6</sup> Нумерация фрагментов Гиппонакта дается по изданию: Iambi et Elegi Gracci ante Alexandrum cantati. Ed. West M. L. Oxonii, 1971, v. 1.

<sup>7</sup> Masson O. Les fragments du poete Hipponax.— Paris, 1962, p. 20—21.

<sup>8</sup> Фрейденберг О. М. Происхождение греческой лирики.— Вопросы литературы. М., 1973, № 11, с. 105.

<sup>9</sup> Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur.— München, 1959, v. 1, S. 399.

<sup>10</sup> См.: Latté K. Hipponactum.— Hermes, 1929, 64, p. 385.

<sup>11</sup> См.: Nilsson M. P. Griechische Feste.— Leipzig, 1906, S. 107.